

КЛАССИКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ



СУНЬ-ЦЗЫ, МУСАСИ, КОНФУЦИЙ

ИСКУССТВО
ПРАВИТЬ МИРОМ

Классика истории и культуры

Конфуций

Искусство править миром

«Издательство АСТ»

УДК 1(091)(510+520)
ББК 87.3(5Кит)+87.3(5Япо)

Конфуций

Искусство править миром / Конфуций — «Издательство АСТ»,
— (Классика истории и культуры)

ISBN 978-5-17-133684-4

В книгу включены три наиболее известных трактата, посвященных стратегии поведения в конфликтах любого уровня – от военных действий до политических дебатов и психологического соперничества. Древний китайский трактат «Искусство войны», написанный более двух тысяч лет назад великим военачальником и стратегом Сунь-Цзы, является основополагающим текстом «школы военной философии». «Книга пяти колец» японского наставника Миямото Мусаси рассказывает о чести и воинской доблести и посвящена искусству стратегии. В третьей части издания читатель может ознакомиться с изречениями Конфуция, древнего мыслителя и философа, чьи идеи породили основу для новой философской системы, известной как конфуцианство.

УДК 1(091)(510+520)
ББК 87.3(5Кит)+87.3(5Япо)

ISBN 978-5-17-133684-4

© Конфуций
© Издательство АСТ

Содержание

Сунь-Цзы	6
Предисловие переводчика	6
Глава 1. Предварительное планирование	17
Глава 2. Ведение войны	19
Глава 3. Планирование атаки	21
Глава 4. Форма	23
Глава 5. Мощь	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сунь-Цзы, Миямото Мусаси, Конфуций Искусство править миром. Искусство войны. Книга пяти колец. Изречения

© В.В. Башкеев, Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петров, П.С. Попов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Сунь-Цзы Искусство войны

Предисловие переводчика

Памяти Н. И. Конрада и В. С. Спирина посвящается

Популярность открытой вами книги – явление само по себе весьма занимательное. Кажется бы, ничего удивительного в этом нет – классическое письменное наследие традиционного Китая за более чем две тысячи лет своего бытования прочно стало интернациональным. Неугасающий интерес к нему следует рука об руку с общей популярностью китайской цивилизации. Наиболее значимые из этих памятников классического письменного наследия: «Лунь Юй», «Мэн-цзы», «Ли-цзи», «Дао дэ цзин», «Чжуан-цзы», «Ханфэй-цзы», «Мо-цзы» – являются основополагающими, «каноническими» для основных же направлений философской мысли в Китае – конфуцианства, даосизма, моизма, легизма, поэтому неудивительно, что они давно и многократно переводятся и переиздаются, в том числе и на русский язык. Интерес к ним давно вышел за рамки профессиональной китаеведческой среды и прочно стал всеобщим.

Тем не менее здесь есть важный нюанс, который и делает факт невероятной популярности трактата «Искусство войны» столь занимательным. Дело в том, что каждое из названных направлений в китайской традиции воспринимается как цзя (школа), а памятники соответственно закладывают идейные основы этих школ. Сунь-цзы – не исключение – им заложена традиция так называемой военной школы «бинцзя» (##). Однако же школ цзя в традиционном Китае известно множество (более десятка). Самые влиятельные и соответственно популярные как внутри, так и вне Китая – это четыре уже названных – жуцзя (##) – традиционно переводится на русский как «конфуцианство», более точный перевод – «канонисты» или «ученые-книжники»; даоцзя (##) – даосизм; моцзя (##) – моизм, фацзя (##) – легизм. Оставшиеся направления также пользуются в Китае несомненным авторитетом, однако не отмечены сопоставимой популярностью и влиянием на всю китайскую культуру, находясь как бы в негласном «втором ряду» по степени значимости. Совершенно логично, что подавляющее большинство памятников из этого ряда на западные языки не переведены. Но нюанс состоит в том, что «Искусство войны» также формально относится ко «второму ряду» – в Китае он уважаем и авторитетен, но отнюдь не более, чем какой-либо другой памятник китайской мысли.

Таким образом, трактат Сунь-цзы предстает удивительным исключением – только он положил начало многочисленным переводам на западные языки, целым теориям «стратегем», созданным на Западе «на его основе». В конце концов только он входит в учебную программу морских пехотинцев США и отметился в таком культовом современном сериале, как *Breaking Bad* («Во все тяжкие»), который не имеет к китайской культуре уж совсем никакого отношения. Иными словами, своей популярностью в мире «Искусство войны» далеко переросло не только равные ему по авторитетности в Китае памятники, но и самые важные для китайской традиции тексты, составляющие признанный канонический корпус китайского классического письменного наследия. Что и говорить, явление воистину уникальное. Так в чем же его секрет? Попробуем разобраться.

Первая причина – конечно же, сама тематика или же, если угодно, содержание. Здесь текст «Искусства войны», безусловно, уникален – ни один из классических китайских текстов не поднимал настолько интернациональную, актуальную во все исторические периоды и во всех государствах тематику, как война. Ключевые характеристики ее с точки зрения вос-

требованности для перевода – всеобщность, понятность и надкультурность. Все памятники классического канона крайне важны для китайской цивилизации и цивилизаций, взрощенных на ее культуре, но совершенно непонятны и чужды цивилизациям, взрожденным на культуре античной и затем западноевропейской. Осознать фундаментальность памятников классического канона невозможно без знания китайской культуры – все они, будь то «Лунь Юй», «Дао дэ цзин» или «Ханьфэй-цзы», слишком своеобразны, их не постичь, не прилагая усилий по погружению в материал. Это закономерно приводит к тому, что, даже будучи переведенными и став интернационально интересными, они привлекают лишь узкий круг энтузиастов, непонятны большинству читателей и намертво вписаны в весьма специфичный культурный контекст китайской цивилизации. Результат – крайне малая популярность и очень «нишевая» востребованность, отсекающая колоссальное количество людей, которые и рады бы узнать много нового о «загадочном Китае», да только очень уж он непонятен и своеобразен, просто прочитав перевод – только еще больше запутаешься. «Искусство войны» резко отличается в этом смысле от всего остального классического наследия. Трактат поднимает всеобщую, понятную всем и совершенно надкультурную тему войны, которая еще и актуальна и «горяча» во все времена благодаря непреложным закономерностям развития человеческих сообществ. Уже одно это создает прекрасные стартовые условия для серьезной популярности.

И тут в дело вступает вторая причина – форма. В данном случае тот самый культурный контекст, усложняющий понимание прочих известных памятников, идеально работает на популярность и востребованность «Искусства войны» – он, как и другие труды, созданные в период развитой китайской древности, написан в жанре трактата, по сути представляющего собой изложение мыслей мудреца-философа на заданную тему. А это, в свою очередь, придает ему ряд особенностей, характерных для китайской философской мысли классического периода, что резко выделяет его уже в рамках военной тематики. Иначе говоря, в данном случае синтез общечеловечески привлекательного содержания со специфической китайской формой осмысления и подачи материала на выходе рождает совершенно уникальный в своем роде результат – философский трактат о войне, ставящий своей целью проникнуть во все ее нюансы не только с практической, но и с идейной, понятийной, в конечном счете – именно философской точки зрения. Это – уже явление, по определению до появления «трактатов последователей Сунь-цзы» не имевшее аналогов. «Искусство войны», по сути, становится своего рода «ключом к сейфу», в котором лежит столь сложно познаваемая китайская культура. Общечеловеческая военная тематика словно оборачивает китайскую философскую мысль в понятную широкой публике обертку, значительно снижая начальный «порог входа» и действительно объективно сильно упрощая понимание. Это объясняет и небывалую популярность «Искусства войны», и его неугасающую актуальность не только в свете все усложняющейся международной обстановки, но и в свете неуклонного роста интереса к культурам, взрожденным китайской цивилизацией. Однако у этого удивительного симбиоза войны и философской мысли Китая, сделавшего трактат столь популярным на Западе, есть и другая сторона медали, которая порождает целый ряд особенностей, о которых нельзя не сказать, передавая читателю русский текст этого памятника.

Эти особенности можно поделить на две взаимосвязанные группы. Одна из них связана с собственно китайским культурным контекстом и вытекающими отсюда историческими, политическими и языковыми константами, которые необходимо иметь в виду для адекватного понимания китайского материала, другая – непосредственно с проблемами перевода «Искусства войны» как такового.

Совершенно ясно, что полноценно охватить весь китайский культурный контекст в рамках одного предисловия, тем более столь сжатого, невозможно в принципе. Однако все еще можно тезисно познакомить читателя с рядом базовых посылок, дав своего рода путеводитель для путешествия по увлекательному миру китайской цивилизации. Итак...

I. Иероглифы и особенности китайского языка

1. Контекст и «многозначность» китайских иероглифов

Читателю, должно быть, неоднократно доводилось слышать о многозначности китайских иероглифов и о том, что ту или иную фразу невозможно перевести однозначно. Представьте себе такую картину: некто неизвестный любопытствующий увидел где-нибудь последовательность иероглифов, она его чем-то заинтересовала, и, попав под ее мистическое обаяние, он решил во что бы то ни стало узнать, что же сие значит на его родном языке. После некоторых исканий он находит человека, которого ему аттестовали как «специалиста в китайском». И что же он услышит? Почти гарантированно – фразу «Нууу, этот иероглиф столько всего может значить, просто так не переведешь».

Сей ответ наверняка будет подкреплён демонстрацией пугающе длинной словарной статьи, порой занимающей целый лист и действительно включающей в себя 10+ (а то и больше) различных значений одного и того же знака.

После чего, как правило, впечатленный любопытный изумленно вопрошает: «Да как вы вообще все это учите и хоть что-нибудь понимаете?!» – и на этом все его попытки узнать перевод загадочной фразы заканчиваются, а продемонстрировавший словарную статью знаток возносится в его глазах выше всякого допустимого в приличном обществе уровня. Это же порождает невероятное количество «шарлатанов-знатоков», запутывающих людей уверениями, что «эта фраза непереводима, она слишком многозначна». Увы, много таких и в переводческой среде, что создает вокруг китайского совершенно ненужный ореол «непостижимости», что совершенно излишне для и так крайне трудного языка.

Однако же, будь наш нелюбознательный исследователь чуть более настырен, ему после этого в голову наверняка должен был прийти простой, но очень важный вопрос: «А действительно, как понять-то?!» И вот на него добросовестный «специалист», если только он, конечно, специалист без кавычек, немедленно должен ответить: «Контекст нужен». Подводный камень тут следующий: иероглифы действительно многозначны, однако китайский язык, как и любой другой, имеет своей целью передачу информации в письменном и устном виде, следовательно, в данной конкретной языковой ситуации тот или иной иероглиф может иметь только одно значение, в худшем для переводчика случае его многозначность при этом будет использована автором для аллюзии на какое-либо явление, связанное с другими значениями знака и придающее сказанному глубину и многогранность (вот он – кошмар переводчика), однако иероглиф ни в коем случае не будет иметь двух разных значений для одного и того же случая. Иначе он перестаёт быть адекватным языковым средством – не может передать непосредственно то значение, которое вкладывал автор. И вот именно тут, в силу структурных особенностей китайского языка, невероятную важность обретает контекст. Поскольку китайский иероглиф не изменяем морфологически – он тождественен одному слогу (иероглиф – ещё не слово, слово также может состоять из двух и более слогов, однако в классическом письменном языке односложных слов большинство) и никак не изменяется посредством каких-либо флексий (приставок, суффиксов, аффиксов и окончаний), то основными грамматическими инструментами становятся его место в предложении и использование служебных (или, как принято говорить в традиционной китайской науке, «пустых») слов, разграничивающих знаменательные части предложения.

2. Строгий порядок слов

Порядок слов получает строго определенный вид: сначала группа подлежащего (если надо – то с определениями и обстоятельствами), затем группа сказуемого (при необходимости также оформленная обстоятельствами) и потом, если необходимо, – группа дополнения (также, возможно, с определениями к нему).

Соответственно значение того или иного знака в предложении, помимо собственно словарного значения лексической единицы, определяется еще и его местом в данной структуре [П]-[С]-[Д]. То есть уже на уровне предложения крайне важен контекст – где именно стоит тот или иной знак и несет ли он значение действия (то есть является предикатом), либо он – предмет и выступает субъектом/объектом. Следовательно, важнейшим навыком для перевода становится умение правильно подобрать из моря значений китайских иероглифов (а значений действительно часто много) именно то, которое адекватно данному месту в структуре предложения, а в идеале – то, которое хотел передать сам автор.

3. Важность подбора правильных лексических значений знаков и понимания авторского замысла. Синтаксический, смысловой и всеобщий параллелизм в письменном китайском языке (вэньянь)

В свою очередь, если речь идет о развернутом тексте, то контекст важен уже с точки зрения знания читателя о том, кто или что является субъектом/объектом. В китайской традиции письменного языка (вэньяня) часто принято опускать уже упомянутые ранее подлежащие, подразумевая, что читатель помнит и понимает, какой субъект введен ранее (например в заглавии или первом предложении), а также заменять подлежащие и дополнения на местоимения «это», «этот» или «то», что серьезно усложняет восприятие для русскоязычного читателя, привыкшего к развернутым конструкциям языка синтетического строя. Восприятие, однако, усложняется и для носителей языка, поскольку это делает письменные высказывания весьма лапидарными. Поэтому крайне важным качеством читателя текста является способность правильно выбрать из множества значений знака именно то, к которому отсылает нас автор через сей краткий шифр. Учитывая великое множество лексики, формируемой китайскими иероглифами (неслучайно известный китайский словарь слов так и называется – «Море слов»), это фактически становится поистине ювелирной работой, и осуществить правильный подбор лексической единицы абстрактно, основываясь лишь на переборе множества значений, становится затруднительно не только для интерпретатора, но и для носителя языка.

Поэтому важнейшим выразительным средством, создающим для текста формальные рамки и сужающим поле поиска лексических значений, становится так называемый параллелизм. Параллелизм – важнейшее явление китайской мысли в ее письменном выражении. В разных случаях он может быть синтаксическим (два высказывания соответствуют друг другу по структуре, пример см. ниже), смысловым (помимо структуры прослеживается также семантическое соответствие понятий, выраженных иероглифами) или даже всеобщим (термин введен В. С. Спириным), когда параллельными друг другу становятся целые структурные разделы внутри одного текста.

Исследуя всеобщий параллелизм и рассматривая различные варианты параллельности структурных элементов текста, В. С. Спирин пришел к важнейшему выводу о том, что расположение элементов структуры в тексте письменного классического китайского языка (на котором написан текст «Искусства войны») также имеет огромную, а часто и основную смысловую нагрузку. Развивая эту идею, скажем от своего уже имени, что различные элементы структуры

более мелких элементов (фраз) также используют физическое расположение знаков относительно друг друга в качестве выразительного средства, формируя таким образом смысловое ядро и выстроенные вокруг него периферийные смысловые конструкции в структуре текста. Именно смысловое ядро управляет окружающей его текстовой «периферией», передавая читателю тот самый единственно верный, скрытый многозначностью иероглифов замысел автора, о проблеме вычленения которого было сказано вначале.

Все это вместе делает параллелизм важнейшим выразительным средством китайского письменного языка и в то же время создает определенные требования к форме его представления на носителе – даже сейчас, когда китайцы активно используют письмо слева направо, наилучшим образом текст по-прежнему воспринимается так, как он создавался изначально – будучи расположенным сверху вниз, справа налево, имитируя форму и порядок деревянных и бамбуковых планок, на которых он писался. Поэтому в данном издании была предпринята попытка представить читателю билингву именно в виде вертикально размещенного текста.

Приведем пример из «Искусства войны», иллюстрирующий все приведенные особенности. Перевод дается буквальный, без дополняющих смысл частей в квадратных скобках, дабы читатель мог представить, как этот текст виден коренному жителю Китая. В качестве «препарируемого» отрывка выступит знаменитый шестой отрывок первой главы памятника, подаривший миру любимый многими афоризм «Война – это путь обмана» (о корректности подбора лексической единицы для этой фразы также будет упоминаться ниже). Отрывок весьма показателен, поскольку включает в себя несколько типичных для китайских философских (трактаты), полемических (споры) и официальных (чиновничьи доклады и указы) текстов формальных частей:

а. Введение темы

– «Война – это хитрости путь»

Фраза для наглядности переводится на русский язык буквально как «Война – это хитрости путь» (в тексте перевода читатель встретит вариант «Война – это путь хитрости»). Уже в одной этой фразе перед читателем встает половина всех означенных выше препятствий и трудностей.

Строго говоря, сочетание первых двух знаков бинчжэ «##», где первый – знаменательный, а второй – служебный – уже можно понимать двояко, так как первый вне контекста может быть не только «войной», но и глаголом «воевать», и даже в определенных условиях обозначать «войско». Второй, в свою очередь, может использоваться для двух разных целей: либо выделять «делателя» после глагола, либо выступать лишь в качестве «знака препинания» (не забудем, что в традиционном китайском знаки препинания не использовались), делая смысловой акцент на субъекте, который изначально не несет предикативного значения, и соответственно иероглиф, его выражающий, является существительным, а не глаголом. В первом случае перевод будет выглядеть как «Воюющий...» во втором – «Война ...» либо «Войско...». Соответственно, выбрать из трех вариантов нам помогает только контекст, причем не столько даже смысловой (ибо тот же знак «#» в заглавии вполне может быть переведен не только как «...войны», но и как «ведения войны», и в этом не будет ошибки), сколько грамматический – во фразе присутствует рамочная конструкция «А ... В#», вводящая назывное предложение, основа которого в данном случае переводится как «##» (бинчжэ) – это «#» (дао). Поскольку знак «#» (дао) здесь может быть переведен только как «путь (в значении «способ»)), то правильный перевод здесь возможен только с использованием слова «война», подразумевая при этом смысл «способ ведения войны состоит в» (ни «войско», ни «воюющий» не могут быть «путем»), таким образом, в сочетании с определением «#» к слову «путь», которое адекватно передается на русский понятием «хитрость», что в итоге дает перевод «Война – это хитрости путь». Это – введение автором темы, которая задает всю дальнейшую структуру отрывка.

Созданная экспозиция подразумевает, что речь идет о войне и о хитрости как основном способе ее ведения. Собственно, это и есть основная мысль, далее последует лишь ее детализация, раскрытие основной идеи, заложенной вначале. При этом вся информация, введенная темой высказывания, подразумевается на всем протяжении дальнейшего, раскрывающего ее отрывка, поэтому в последнем присутствует лишь новая информация, что как раз таки придает фразам известную аскетичность. Таким образом устроен текст не только «Искусства войны», но и большинство других китайских классических текстов, несущих в себе идеи и их обоснование.

б. Логический переход к раскрытию темы, выраженный служебным словом

Вслед за темой идет логический переход к ее раскрытию, на письме переданный служебным словом «#» (гу) – «поэтому», к которому в данном случае необходимо добавить слово «если», относящееся к последующим строчкам. Итак, после логического перехода # – «поэтому [если]» – следует основная часть.

в. Раскрытие темы. Основная часть текста

Основная часть включает в себя синтаксические и смысловые параллелизмы, формирующие всеобщий параллелизм структуры фразы. Первый блок из четырех предложений (см. таблицу 1) обладает смысловым ядром «**показывай ему**». Оно, будучи связано с темой фразы (хитрость), приковывая к себе внимание за счет структурного доминирования во фразе, прямо передает главную мысль автора: «хитрость по отношению к врагу, направленную на то, чтобы представить ему картину, диаметрально противоположную реальному положению вещей». Ядро при этом явно привязывает внимание читателя к необходимому действию и с помощью структуры самой фразы – «**показывать ему**» находится в центре, а состояния, противоположные друг другу, противоположны и на письме тоже, что является ярким проявлением всеобщего параллелизма в данной фразе.

Соответственно, периферийными смысловыми конструкциями здесь являются несколько структурных элементов. Гипотетическая готовность к битве разбивается на три принципиальные составляющие:

1. Боеспособность войск – передана знаком «нэн» (#) – «способность».

2. Ситуация в снабжении (шире – логистике) – передана знаком «юн» (#) со специальным значением «провиант, снабжение». Отметим, что здесь вновь наблюдается ловушка смысла. Шире и чаще встречается значение «использовать», здесь, однако, явно передается состояние дел в снабжении, а не активное действие использования чего-либо, что вытекает как из известного значения этого знака, применяемого в экономических трактатах традиционного периода китайской истории, так и из того, что «использовать» можно записать в один понятийный ряд с «готовностью», и в этом случае периферийная смысловая конструкция становится излишней, что недопустимо в столь сжатом и структурно выверенном отрывке текста.

3. Дистанция (далекая или близкая) – передана соответственно знаками «цзинь» (#) «близкий» и «юань» (#) «далекий».

Таблица 1

能	而	示	之	不	能
Можешь	но	показывай	ему	не	можешь
用	而	示	之	不	用
Снабжен	но	показывай	ему	не	снабжен
近	而	示	之		遠
Близок	но	показывай	ему		далек
遠	而	示	之		近
Далек	но	показывай	ему		близок

Второй блок состоит из восьми предложений, вместе формирующих структуру сложно-сочиненного смыслового ядра А(#) В(#), где А – условия, при наступлении которых необходимо осуществить действие В по отношению к «нему» (врагу) – см. таблицу 2. Отметим, что в данном случае знак «эр» (#), выступающий в письменном языке в качестве универсального служебного слова для передачи различных союзов, переводится как «[Если] А то В». Здесь уже дается инструкция – перечень конкретных действий, необходимых для победы. Этот блок является не философским обоснованием, а практической частью.

Таблица 2

利	而	誘	之
Выгода	то		его
實	而	備	之
Наполнен	то	готовься	к нему
Г	而	避	之
Силен	то	избегай	его
怒	而	撓	之
Гневается	то	подавляй	его
卑	而	驕	之
Скромн	то	самонадеян	он
佚	而	勞	之
Прекрасен	то	утоми	его
親	而	離	之
Дружен	то	разъедини	его

г. Заключение, подведение итогов

#####

#####

#####

#####

атакуй, [когда и где] он не готов;

выступай, [оттуда, где] нет его внимания.

Это обеспечивает воителю победу;

однако наперед преподать ничего нельзя.

В данном случае параллелизм уже не используется, подводится итог всего отрывка – он не несет на себе центральной смысловой нагрузки, скорее являясь своего рода заключением. Однако и здесь есть важные мысли, на которых акцентируется внимание читателя, а именно расположение в конце отрывка – в частности, «атакуй, [когда и где] он не готов; выступай, [оттуда, где] нет его внимания» – явная отсылка к последующим главам, где пойдет речь о «Пустоте и наполненности». Используем эту отсылку, чтобы показать читателю следующую важную особенность древнекитайских текстов и «Искусства войны» в частности, которую нельзя забывать при их чтении.

II. Широкая взаимосвязанность всего корпуса китайской классики в тексте «Искусство войны» и проблема времени написания трактата

Здесь мы с вами, дорогой читатель, конечно же, встаем перед проблемой сохранности текста «Искусство войны», проблемой его передачи, нескольких вариантов текста и прочее. Все эти проблемы до сих пор так и не решены – три известные науке гипотезы, датирующие памятник соответственно VI–V, V и IV вв. до н. э., относя его, собственно, к эпохе Восточное Чжоу (771–221 гг. до н. э.) и к периодам «Весен и осеней» (771–453 гг. до н. э.) либо (что более логично) к периоду «Сражающихся царств» (453–221 гг. до н. э.), тем не менее не отменяют того, что в известном нам виде памятник сложился только к имперскому времени, к периоду Западная Хань (III в. до н. э. – I в. н. э.), что явственно следует из языка. Посему текст, очевидно, включает в себя разновременные напластования, отделить которые друг от друга если и возможно, то только путем комплексного текстологического анализа, который до сих пор не проведен. Это создает сложности в понимании текста, о которых писал, например, О. В. Зотов, отмечая, в частности, что само расположение глав в трактате на первый взгляд противоречит логике ведения боевых действий, так как вопросы стратегии в них «перемешиваются» с вопросами тактики.

О. В. Зотов видит в этом сложную внутреннюю логику трактата, и отчасти с таким взглядом нужно согласиться, о чем будет упомянуто ниже. Однако, как видится, прежде всего ответ лежит не в идейной плоскости, а в технической. «Искусство войны», вероятнее всего, не создавался одним автором в одно историческое время и был сведен воедино только на рубеже нашей эры, что осложняет поиски в нем некоей единой логики и тем более затрудняет перевод.

Попытки приписать авторство трактата какому-либо одному полководцу или мыслителю скорее искусственны. Ни, собственно, описанный у Сыма Цяня Сунь-цзы, ни полководец Сунь Бинь, ни кто-либо еще не могут претендовать на единое авторство в силу разнородности текста. Поэтому рассматривать «Искусство войны» можно только в связи со всей китайской культурной традицией, поскольку, претерпев множество редакций в разное историческое время, он впитал в себя традиции всех основных философских направлений, от конфуцианства до легизма и даосизма. В этом содержится еще один ключ к его уникальной привлекательности для читателя, являя собой слепок со всей китайской культуры. Внутренняя логика, о которой упоминает О. В. Зотов, угадывается именно из синтеза всех философских традиций.

Подробнее узнать о том, как формируется общая идеология «Искусства войны», совмещающая в себе «конфуцианские», «даосские» и «легистские» устои, читатель может из статьи одного из ведущих российских китаеведов А. И. Кобзева, являющегося почти уникальным (одним из двух, известных автору) специалистом по китайской философии и единственным таковым в старшем поколении ученых.

Отметим также, что, являя собой подобный синтез, «Искусство войны», конечно же, перекликается с богатейшей традицией китайских боевых искусств, которые, также став в прошлом веке мировым достоянием, безусловно, способствовали расширению его и без того серьезной популярности.

III. Проблемы современных переводов текста «Искусство войны» и их соотношения с классическими переводами

Трактат «Искусство войны» как памятник китайской мысли, пользуясь невероятной популярностью у читателей всего мира, активно переводился на многие языки.

Одним из первых переводов «Искусства войны» на распространенный западный язык был англоязычный перевод Лайонела Джайлза (1875–1958). Строго говоря, ему предшествовал перевод Э. Калтропа, выполненный в 1905 г., но Джайлз был потомственным ученым-востоковедом и переводчиком, а также сотрудником Британского музея, что, вероятно, повлияло на популярность именно его перевода. Слово «потомственный» тут ключевое, ибо его отец, Герберт Алиен Джайлз (1845–1935), является отцом-основателем западной лингвистической традиции изучения китайского языка, будучи одним из авторов транскрипции Уэйда – Джайлза. Именно это, как видно, способствовало тому, что перевод стал классическим, т. е. принятым в научной традиции за основной и не требующий дальнейшего перевода заново. Безусловно, ключевую роль в этом сыграл несомненный авторитет отца Лайонела – Джайлза-старшего, переведившего китайское классическое письменное наследие – Лунь Юй, Дао дэ цзин, Чжуан-цзы, а также создавшего первый большой китайско-русский словарь. Англоязычный перевод, безусловно, упростил дальнейшие переводы на русский, и, как мы можем увидеть, они последовали почти синхронно со смертью Джайлза – переводы Н. И. Конрада (1950), Е. И. Сидоренко (1955), К. Б. Кепинга (1979), В. В. Малявина (2002) и другие.

Веком ранее, а именно в 1772 г., миссионер-иезуит, историк и астроном Жан Жозеф Мари Амио перевел китайский трактат на французский язык. Амио в совершенстве владел китайским и маньчжурским языками, составил одну из первых грамматик и словарей маньчжурского языка. Благодаря переводу Амио с «Искусством войны» был знаком великий полководец Наполеон Бонапарт.

Среди отечественных переводов «Искусства войны» наиболее знаменит труд Н. И. Конрада, созданный им в 1950 году. Конрад, еще будучи учеником школы, проявлял интерес к Китаю и Японии. Превратить свое увлечение Востоком в профессиональную деятельность ему удалось после окончания японско-китайского отделения факультета восточных языков Петербургского университета. Благодаря счастливому стечению обстоятельств молодой выпускник два месяца провел в Японии, где и были заложены основы его исследовательского пути. Перевод текста Сунь-цзы, выполненный Конрадом, прекрасен для своего времени. Как и в случае с Джайлзом, сложно назвать одну основную причину того, почему именно перевод Н. И. Конрада признан научной традицией классическим. Во-первых, само понятие «классический перевод», безусловно, официально никак не закрепляется, и никаких документов о данном статусе никто никогда нигде, конечно же, не выдает, а сам механизм такого признания в науке покрыт туманом. Однако же налицо тот факт, что те или иные переводы негласно получают такой статус. Основных причин, на мой взгляд, две: это 1) качество для своего времени и 2) авторитет автора. История показала, что по обоим параметрам Н. И. Конрад и его вариант перевода оказались наиболее подходящими под определение «классика» (это, кстати, ярко проявляется в принятом переводе «Искусство войны», т. к., строго говоря, корректно переводить название как «Правила [ведения] войны» или даже «Методы [ведения] войны», а при определенной смелости переводчика даже и «Законы войны», однако перевод «Искусство» столь устоялся, что зачастую его уже не меняют).

Однако же наука на том и построена, чтобы, уважая труд классиков, двигаться дальше. Время идет, научные возможности перевода сильно расширились, и это позволило нам принести читателю новое, ранее не сделанное. Главной особенностью этого новейшего перевода с точки зрения языка является строжайшая однозначность понятий – высокая формализованность китайского языка не позволяет нам переводить одни и те же знаки разными понятийными категориями – в противном случае теряется упомянутая выше контекстуальная нагрузка на знак. Плюс к тому сам данный текст, будучи по сути инструкцией к действию для военных, предполагает наличие однозначной точной терминологии, что еще больше повышает требования к однозначности передачи значений знаков и призывает нас также к лаконичности, которой явно недостает предшественникам. На протяжении всего текста мы подбирали для каждого

знака только уникальное значение, принципиально исключив применение синонимии для знаменательных слов и сводя ее к минимуму для служебных конструкций. Например, «Бин» (#) переводится нами только как «войско», а «Цзюнь» (#) только как «армия», «Чжань» (#) только как «сражение/сражаться», а «Чжэн» (#) только как «борьба» и пр. Таким образом, сформировался четкий словарный запас понятий, который открывает перед читателем понятную и четкую панораму военной действительности классического Китая.

Стремясь предоставить читателю еще больше возможностей для ощущения ткани китайского предложения максимально близко к оригиналу, мы постарались, насколько возможно, соблюсти грамматический строй, лишь в крайних случаях прибегая к дополнительным уточнениям [в квадратных скобках], необходимых для удобочитаемости текста.

В. В. Башкеев, 2016

Литература

1. *Конрад Н. И.* Избранные труды. Синология. – М., 1977. С. 5–304.
2. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. – 2006. – 727 с. С. 395–396.
3. *Зотов О. В.* О логике и структуре трактата Сунь-цзы // 25-я научная конференция «Общество и государство в Китае». – М., 1994. С. 86–95.
4. *Синицын Е. П.* Об авторстве и датировке трактата «Сунь-цзы» // НАА. 1964, № 4.
5. Китайская текстология как строгая наука (к 80-летию со дня рождения В. С. Спирина) // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. лит., 2009. – 502 с. – Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 1. С. 472–476.
6. *Спирин В. С.* Построение древнекитайских текстов. – М., 1976, СПб., 2006.

Глава 1. Предварительное планирование

Сунь-цзы сказал: война – это важное государственное дело. Место [где решается] – жить или умереть, путь к выживанию или гибели. [Поэтому] в ней нельзя не разобраться.

Итак, она состоит из пяти основ. Сверяйтесь с ними для планирования и стремитесь постичь их дух. Первая – Путь¹. Вторая – Небо. Третья – Земля. Четвертая – Полководец. Пятая – Закон.

Путь ведет народ к согласию с верховным [правителем, тем, который] может даровать ему смерть, может даровать жизнь, и народ не будет //уклоняться // чувствовать страха.

Небо определяет порядок [смены] ночи и дня, холода и жары и сезонов.

Земля – это далекие и близкие [дистанции], неровный и ровный, широкий и узкий [рельеф], [там определяется] смерть и жизнь.

Полководец – это мудрость², доверие³, гуманность (человеколюбие)⁴, отвага⁵, строгость⁶.

Закон – это порядок построения [войск], управление логистикой⁷ и централизованное снабжение⁸.

Нет полководца, который не слышал бы об этих пяти основах, но познавший их побеждает, не познавший – не побеждает.

Поэтому сверяйтесь с ними для планирования и стремитесь постичь их дух.

Сказано: [по тому] кто из государей обладает Путем; У кого из полководцев есть способности; Кто обрел [лучшее понимание] Неба и Земли; У кого выполняются законы и приказы; У кого войска сильнее; У кого офицеры и солдаты лучше обучены; У кого ясно, за что награждают и наказывают —

По этому всему я уже знаю [заранее], кто одержит победу и кто потерпит поражение. Если полководец прислушается к моему [методу] планирования, то, используя их (основы), он непременно одержит победу; я останусь у такого; Если полководец не прислушается к моему [методу] планирования, то, используя их (основы), он непременно проиграет; я уйду от такого.

Если он учтет свою выгоду с помощью того, что прислушается к [советам], то они станут его мощью, которая поможет и за их пределами. Мощь – это умение применять тактику, исходя из выгоды.

Война – это путь хитрости⁹.

¹ Дао – также имеет значение «Способ действия».

² Иное значение знака чжи # – интеллект.

³ Также знак синь # имеет значения верность, искренность, честность, правдивость.

⁴ Также знак жэнь # имеет значения доброта, человечность.

⁵ Также знак юн # имеет значения храбрость, мужество.

⁶ Также знак янь # имеет значения суровость, серьезность.

⁷ В данном случае речь идет об управлении передвижениями войск и логистикой обозов.

⁸ Знак чжу # имеет буквальное значение хозяин, главный; также он используется в наречном значении «придавать перво-степенное значение». Значение «Централизованное» выводится нами, исходя из логики построения данной фразы, где каждое сочетание знаков связано теми или иными грамматическими отношениями.

⁹ В данном контексте корректно переводить именно как «хитрость». Другие его значения – лукавый, озорной; лживый, обманный; фальшивый, нечестный; лицемерный; странный, причудливый, необыкновенный; нелогичный, невероятный; бредовый, парадоксальный, чудовищный.

Поэтому, если ты и можешь [что-нибудь], показывай [врагу], что не можешь;
если ты и снабжен¹⁰ чем-нибудь, показывай ему что не снабжен; [Если] ты близко, показывай ему, что ты далеко; [Если] ты далеко, показывай ему, что ты близко.

[Предлагай] выгоду и заманивай его;

Вноси хаос и захватывай его;

[Там, где враг] наполнен (крепок)¹¹, будь готов к нему;

[Там, где враг] силен, избегай его;

Разгневав, подавляй его;

выгляди скромно, делая его самонадеянным;

[если он] полон сил, утоми его;

[Если войска его дружны] как родные, разъедини его;

атакуй [когда и где], он не готов;

выступай [оттуда, где], нет его внимания¹².

это обеспечивает воителю победу;

однако наперед преподать ничего нельзя.

Кто – еще до сражения – побеждает предварительным планированием,

у того шансов много;

кто – еще до сражения – не побеждает планированием,

у того шансов мало.

У кого шансов много – побеждает;

у кого шансов мало – не побеждает;

тем более же тот, у кого шансов нет вовсе.

Поэтому я, наблюдая это, уже вижу, победа будет ли или поражение.

¹⁰ Значение # «снабжение» здесь более валидно с точки зрения тематики текста, чем «использование». См. также ссылки 1 и 2 на стр. 36.

¹¹ Под наполненностью и «крепостью» понимается в том числе сила и готовность к принятию удара. Для передачи дуализма пустое – наполненное.

¹² Иероглиф # можно перевести множеством различных способов. В боевых искусствах чаще всего использует как «внимание», «намерение». В данном случае подразумевается выход на марш из мест, где отсутствует наблюдение врага.

Глава 2. Ведение войны

Сунь-цзы сказал:

Закон для всякого использующего войска [таков]¹³:

Если у тебя тысяча легких колесниц
и тысяча тяжелых,
и сто тысяч [солдат] в доспехах,
и если зерно надо подвозить за тысячу ли,
то внутренние и внешние расходы [на]
содержание гостей бинькэ¹⁴,
материал для лака и клея,

снаряжение колесниц и доспехов – ежедневно составляют тысячу золотых. Только тогда можно поднять стотысячное войско.

Если ведут сражение¹⁵ и победа затягивается, – солдаты деморализуются и боевой дух падает¹⁶; если [при этом] атакуют крепость, – силы истощаются; если командующих [войсками] надолго оставляют под открытым небом [вне лагеря], – [средств] на снабжение у государства недостаточно.

Итак,

Когда солдаты деморализуются и боевой дух падает, силы истощаются и финансовые средства иссякнут, знать чжухоу¹⁷, воспользовавшись твоей слабостью, поднимется. Пусть тогда у тебя и будут мудрецы, но ты не сможешь исправить последствия этого.

Поэтому известно о том, что скоротечная и грубая война [лучше] затянутой и искусной. Никогда не бывало, чтобы война затягивалась и это было бы выгодно государству.

Поэтому тот, кто не знает сполна всего вреда от ведения войны, не может узнать сполна и всю выгоду от войны.

Тот, кто хорош в ведении войны,
Призвав [однажды], больше не регистрирует [для призыва];
три раза провианта не грузит;
получает снабжение¹⁸ из своего государства,
провиант же берет у врага.

Поэтому у него достаточно пищи для солдат.

[Во время войны] государство беднеет из-за дальних перевозок для командующих [войсками].

Когда перевозки дальние, народ беднеет.

Те, кто близок к командующим [войсками], продают дорого; когда продают дорого, деньги у народа кончаются;

¹³ Сложность перевода титульного иероглифа # в том, что он может использоваться двояко, и как собственно «война» в предикативном значении «вести войну», и как «войска». Здесь контекстуально очевидно второе значение, т. к. ему предшествует глагол «использовать».

¹⁴ Особая категория людей, находящихся в системе патрон-клиентских отношений с вышедшей воевать знатью.

¹⁵ Здесь употреблен знак #, что означает «сражение».

¹⁶ Сложность перевода тут заключается в том, что опять употреблен знак #, который здесь все же логично переводить как «войска», а не «война».

¹⁷ Специфическая социальная категория знати, которую титулами знатности наделял верховный правитель.

¹⁸ Знак юн (#), имеющий основное значение «использовать», здесь следует переводить как «снабжение», что является характерным для различных трактатов по экономике (например, таких как «Гуань-цзы»), что, кстати, указывает на возможную близость «Сунь-цзы бинфа» к ним по времени написания.

когда же деньги у народа кончаются, проблемно с налогами и воинскими повинностями. Силы истощаются, деньги кончаются – на Срединной равнине¹⁹ – в домах пусто; затраты народа [выражаются] в уменьшении трат на 70 %; правительственные затраты – это сломанные колесницы и утомленные лошади; Доспехи и шлемы, стрелы и арбалеты, двузубцы и малые щиты, пики и большие щиты, волы и повозки – все это уменьшается на 60 %.

Поэтому мудрый полководец берет провиант у врага. При этом один чжун²⁰ пищи врага соответствует двадцати чжунам своей; один дань²¹ отрубей и соломы врага соответствует двадцати даням своей.

Поэтому убивает врага ярость, а выгоду из врага извлекает [забота] о деньгах.

Если в сражении на колесницах захватят десять и более колесниц,

Награди захвативших первыми

И поменяй бунчуки и знамена.

Перемешай эти колесницы со своими и езжай на них.

С солдатами обращайся хорошо и заботься о них.

Это и называется: победить врага и увеличить силу.

Война ценит победу и не ценит продолжительности.

Поэтому полководец, знающий войну, – это сымин, ведающий жизнями народа²², и хозяин безопасности государства.

¹⁹ Имеется в виду Великая китайская равнина, основное место развития китайской цивилизации.

²⁰ Тарный сосуд, здесь – мера объема для сыпучих тел, 1/3 даня, 1,17 литра.

²¹ Мера объема для сыпучих тел, эквивалентная примерно 3,5 литра риса.

²² Сымин вписывает души умерших в специальную книгу.

Глава 3. Планирование атаки

Сунь-цзы сказал: Закон для всякого, использующего войска [таков]²³:

Наилучшее – сохранить государство врага в целости, на втором месте – сокрушить это государство.

Наилучшее – сохранить армию врага в целости, на втором месте – разбить ее.

Наилучшее – сохранить бригаду врага в целости, на втором месте – разбить ее.

Наилучшее – сохранить батальон врага в целости, на втором месте – разбить его.

Наилучшее – сохранить роту врага в целости, на втором месте – разбить ее.

Наилучшее – сохранить взвод врага в целости, на втором месте – разбить его.

Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего;

Не сражаясь, покорить чужую армию – вот лучшее из лучшего.

Поэтому

самая лучшая война – разбить замыслы врага;

Затем – разбить его союзы;

Затем – разбить его войска.

Самое худшее – штурм (атака) крепости.

Правила штурма крепостей таковы, что он должен производиться лишь тогда, когда это неизбежно.

Подготовка больших щитов, осадных колесниц, заготовка снаряжения требует три месяца; еще три месяца требует возведение насыпей.

Полководец, не будучи в состоянии сдержать свое негодование, заставляет [солдат] карабкаться на стены; при этом убивают треть офицеров и солдат, а крепость так и не захвачена. Таковы гибельные последствия штурма.

Поэтому тот, кто хорош в ведении войны,

покоряет чужую армию, не сражаясь;

берет чужие крепости, не атакуя;

сокрушает чужое государство, не держа [войско] долго.

Непреренно сохраняет все в целости, борясь таким образом за [власть] в Поднебесной.

Поэтому и не притупляя оружия можно получать выгоду:

таков закон планирования атаки.

Закон для использующего войска [таков]²⁴:

[если] у тебя сил в десять раз больше, чем у врага, окружи его со всех сторон;

[если] у тебя сил в пять раз больше, нападай на него;

[если] у тебя сил вдвое больше, раздели его на части;

если же силы равны, сумей с ним сразиться;

если сил меньше, сумей оборониться от него;

если ты ему не ровня, сумей уклониться от него.

Поэтому те, кто крепок против малого врага, делаются пленниками большого врага.

²³ Сложность перевода титульного иероглифа # в том, что он может использоваться двояко, и как собственно «война» в предикативном значении «вести войну», и как «войска». Здесь контекстуально очевидно второе значение, т. к. ему предшествует глагол «использовать».

²⁴ См. ссылку 1 на стр. 40.

Полководец для государства – как крепление у повозки:

крепление [позволяет] вращаться – значит, государство непременно сильно;

крепление дало трещину – государство непременно слабеет.

Поэтому армия бедствует от своего правителя в трех случаях, [когда он]:

Не зная, что три армии [большого удела чжухоу]²⁵ не должны входить в [крепость], говорит им войти.

Не зная, что три армии не должны отступать, говорит им отступить; это называется «связывание армии».

Не зная дел трех армий, управляет ими [так же], как государством; в таком случае командиры в трех армиях приходят в смятение.

Не зная, как [распределяется] власть в трех армиях, назначает полководца так же, как и в государстве; в таком случае командиры в армиях пребывают в сомнениях.

Когда же армия приходит в смятение и пребывает в сомнениях, наступает беда от чжухоу. Это называется: внести хаос в армию и отдать победу.

Поэтому у того, кто знает, как побеждать, есть пять [правил]:

Знающий, когда можно сражаться и когда нельзя, – побеждает;

Понимающий, как пользоваться и большими и малыми силами, – побеждает;

Когда верхи и низы желают одного – побеждают;

Осмотрительные и выжидающие неосмотрительности врага – побеждают;

Когда полководец талантлив, а правитель не руководит им – побеждают.

Эти пять [правил] и есть путь знания победы.

Поэтому говорят: если знаешь его и знаешь себя, сто раз сражаясь – не будешь в опасности; если не знаешь его и знаешь себя, один раз победишь, другой раз проиграешь; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, непременно проиграешь.

²⁵ «Три армии» (##), указывает на армии знатного человека с большим уделом, которому позволено иметь три армии («верхнюю», «среднюю» и «нижнюю»).

Глава 4. Форма

Сунь-цзы сказал:

В прошлом тот, кто хорош в сражении, прежде всего делал [себя] непобедимым и ждал, когда врага можно будет победить.

Непобедимость – в себе, возможность победы – во враге.

Поэтому тот, кто хорош в сражении,

может сделать себя непобедимым,

но не может заставить врага непременно дать себя победить.

Поэтому и сказано: «Победу можно знать, но нельзя сделать».

Непобедимость суть – оборона;

Возможность победы суть – атака.

Если обороняются, значит, [чего-то]²⁶ недостаточно,

Если нападают, значит, есть избыток.

Тот, кто хорошо обороняется, [словно] прячется под девятью кругами подземного мира; тот, кто хорошо нападает, действует с высоты девяти небес.

Поэтому [те, кто] умеют себя сохранить, одерживают полную победу.

Видящий победу, не превосходя в знании толпу, не является лучшим из лучших.

Когда [кто-либо], сражаясь, одержит победу и в Поднебесной скажут: «хорош», это не будет лучший из лучших.

Когда поднимают тонкий волосок, это не является большой силой;

когда видят солнце и луну, это не является ясным зрением;

когда слышат раскаты грома, это не является тонким слухом.

Про кого в древности говорили, что он хорошо сражается, тот побеждал, когда было легко победить. Поэтому, когда хорошо сражавшийся побеждал, у него не оказывалось ни славы мудрости, ни подвигов мужества.

Поэтому, когда он сражался и побеждал, то не ошибался. Не ошибался – означает, что его действия непременно вели к победе; он побеждал того, кто уже потерпел поражение.

Поэтому тот, кто хорош в сражении, стоит на почве невозможности своего поражения и не упускает возможности поражения врага.

По этой причине побеждающее войско сначала побеждает, а потом ищет сражения;

войско, обреченное на поражение, сначала сражается, а потом ищет победы.

Тот, кто хорош в ведении войны, осуществляет Путь и соблюдает Закон. Поэтому он и может управлять победой и поражением.

Согласно «Искусству (законам) войны»,

первое – длина,

второе – объем,

третье – число,

четвертое – вес,

пятое – победа.

Местность рождает длину,

длина рождает объем,

объем рождает число,

²⁶ Вероятнее всего, речь идет о живой силе и вооружении.

число рождает вес,
вес рождает победу.

Поэтому побеждающее войско взвешивает шу (#)²⁷ в и (#)²⁸, а войско, обреченное на поражение, как бы взвешивает и в шу²⁹.

Когда побеждающий сражается, это народное [сражение], и оно подобно прорвавшейся скопившейся воде, низвергающейся с высоты тысячи жэнь³⁰.

Это и есть форма.

²⁷ Мера веса, 1/24 основной китайской меры веса – ляна (#).

²⁸ Мера веса для золота, равна 24 лянам.

²⁹ Таким образом, шу равняется одной сотой и.

³⁰ Мера длины, равна 7 или 8 чи (#), чи равняется примерно 30 см.

Глава 5. Мощь

Сунь-цзы сказал: любое управление массами подобно управлению малыми [силами]: дело в частях и в числе.

Бой [с использованием] масс подобен бою малыми [силами]: дело в форме и названии.

То, что делает три армии при встрече с врагом непременно способными встретить врага и не проиграть, это правильный бой и маневр.

Удар войска подобен удару камнем по яйцу: это есть пустота и наполненность (крепость).

В любом сражении контактируют [с врагом] правильным [боем], а побеждают – маневром. Поэтому тот, кто хорошо пускает в ход маневр, безграничен, подобно Небу и Земле, неисчерпаем, подобно [Чан]-цзяну и [Хуан]-хэ³¹.

Кончаются и снова начинаются – таковы солнце и луна;

умирают и снова нарождаются – таковы четыре сезона.

Тонов не более пяти, [но] изменений пяти тонов всех не услышишь;

цветов не более пяти, но изменений пяти цветов всех не увидишь;

³¹ Имеются в виду реки Янцзы и Хуанхэ, являющиеся основными водными артериями Севера и Юга Китая. В данном случае ссылка на обе эти реки позволяет предположить, что данный отрывок памятника написан был уже в то время, когда обе реки мыслились частью единого исторического пространства, т. е. как минимум к V в. до н. э., а то и еще позже, уже в имперское время, во II–I вв. и на рубеже новой эры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.